

Совокупность этих свойств составляет, если можно так выразиться, форму вновь появившегося предмета. Вот четвертая причина — причина формальная. Итак, возможно разграничить о причине материальной, — вещество или материя, из которой предмет образовался, о причине движущей — силе, благодаря которой вещь возникла из безкачественной материи, о причине конечной — цѣли или назначеніи предмета, и о причине формальной или формы вещи, т.е. о совокупности свойств (всѣхъ свойствъ, а не о геометрической фигурѣ только), которыми предметъ обладает. Впрочем, приходится говорить только о причине двухъ родовъ, когда дело идетъ не о процессѣ образования или возникновения формы другой вещи, а о предметѣ, какъ о чемъ-то готовомъ, о чемъ-то данномъ. Вопросъ о причине движущей, о той силѣ, подъ вліяніемъ которой создается или устроивается данная вещь, отступаетъ тогда уже на задній планъ; переставая

Крас. Лейкфенберг. Психологія. Мѣсяц 19.

мы въ такомъ случаѣ разсматривать и
о цѣли предмета. Итакъ, каждый го-
товый предметъ предполагаетъ свою ма-
териальную и формальную причину.

Въ каждой вещи есть ма-
терія и форма. Подъ формой Аристо-
тель при этомъ разумѣетъ всю совокуп-
ность свойствъ предмета, а не его геоме-
трическую фигуру только. Но какъ
форма заключаетъ въ себѣ все свойства
вещи, то выходитъ, что матерія или ма-
териальная причина предмета пред-
ставляетъ нечто совершенно безкач-
ественное. И вотъ, Аристотель спраши-
ваетъ, въ чемъ же заключается сущность
вещи, въ ея матеріи или формѣ? Если
бы мы сказали, что сущность вещи есть
та матерія, изъ которой предметъ
образовался, мы должны были бы отбро-
сить все свойства вещи, а вывести съ-
тветно и все существенное въ ней, все,
что характеризуетъ ее сущность.

Признать матерію за сущность невоз-
можно. Сущность вещи составляетъ ее
форма. Какъ известно, Платонъ

объявив, что есть особый миръ идей, что идеи существуютъ объективно, а не какъ продуктъ какого-либо мыслящаго духа только. Вещи представляютъ слабое отраженіе истинныхъ идей: вещи только участвуютъ въ идеяхъ. Идеи принадлежатъ вѣчное и неизмѣнное бытіе: они никогда не умираютъ и всегда остаются одинаковыми. Предметы окружающаго насъ міра измѣнчивы и преходящи. Вещи постоянно умираютъ и, мало того, нарождаются и умираютъ. Истинное бытіе — бытіе вѣчное и неизмѣнное принадлежитъ только идеямъ. Только идеи представляютъ неизмѣнный, вѣчный существующій, поумный, а вещи — это слабое подобіе идей, слабое отраженіе міра существующихъ, міра поумныхъ; это — явленія или феномены въ отношеніи отъ существующихъ, поумныхъ. Миръ поумныхъ исчерпывается миромъ идей. При этомъ Платонъ называетъ въ числѣ такихъ истинно существующихъ идей, по крайней мѣрѣ, преимущественно поня-

тѣх родовых и видовых, т.е. общих. Аристотель, принявъ себя за правое, пренебрегая решить тотъ или другой вопросъ, критически разсмотрѣлъ взгляды предшественниковъ, съ большимъ вниманіемъ останавливается и на этомъ ученіи Платона. Великій рядъ доводовъ приводитъ онъ въ опроверженіе теоріи своего учителя. Великій Стикхиритъ не считаетъ возможнымъ признать существованіе какого-то ондальнаго міра идей — идей, какъ особнхъ сущностей. Нельзя думать, будто міръ noumenovъ составляютъ идеи. Между тѣмъ Платонъ, какъ только это сказано, къ числу идей заоблачнаго міра относитъ по большей части идеи общія. Частичное бытіе, бытіе noumenalное принадлежитъ не общностямъ, это знаетъ Аристотель въ концѣ концовъ свой выводъ, а единичныя вещи. Міръ частичныхъ сущностей составляютъ не какія-то общія идеи, а единичныя предметы, насъ окружающіе. Вотъ къ какому заключенію надо прійти. Не слѣдуетъ только

упускать изъ виду, что за сущность кака-
го-либо единичной вещи нужно признавать
ея форму, а не причину материальную,
вещество, изъ котораго предметъ обра-
зовался. Но подъ "сущимъ" ($\tau\omicron\upsilon\ \delta\upsilon\tau$) древ-
ние греки вообще склонны были ра-
зуметь непременно существующее вечно.
Понятие о "бытии" у нихъ равно поня-
тию о вечнои бытии. Всего явнее об-
наруживается такое отождествленіе у
элеатскихъ мыслителей. Встрѣчаемая
мысль и у Платона. Аристотель и
удерживаетъ идею о бытии, какъ бытии
непременно вечнои. Отсюда получается
у него одно противорѣчіе. Истинное
бытіе, т. е. бытіе вечное, принадлежитъ
вещамъ окружающаго насъ міра, объявля-
етъ онъ. Единичные предметы, каковы
бы, должны существовать вечно. Между-
тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, вещи постоянно
сливаются одна другою. Мы видимъ,
какъ онѣ уничтожаются и какъ онѣ
начинаютъ свое существованіе. Изъ этого
затрудненія Аристотель долженъ былъ
найти какой-либо выходъ. И вотъ, онъ

старается устранить противоречия
 следующих образов. Онъ различаетъ
 бытіе въ действительности и бытіе
 въ возможности. Единичный предме-
 тиль приуце истинное бытіе; иль
 принадлежитъ бытіе вѣчное, однако не
 въ томъ смыслѣ, будто вещи всегда су-
 ществуютъ въ действительности. Бы-
 тіе действительное продолжается для
 отдѣльных предметовъ только неко-
 торый промежутокъ времени, а все
 остальное время они существуютъ въ
 возможности. Единичная вещь вѣчна,
 т. е. она существуетъ всегда, но суще-
 ствуетъ во всякій данный моментъ
 или въ действительности, или же въ
 возможности. Эти несомнѣнныя мета-
 физическія положенія вытекаютъ изъ
 аристотелевскаго взгляда на душу. Въ
 сочиненіи „De anima“ великій
 Стагиритъ хочетъ представить опре-
 дѣленіе души. Душу ильдетъ, думаетъ онъ,
 не только человекъ, но и всякое иное жи-
 вое существо. Владеетъ ею даже каждое
 растеніе. Итакъ, душа есть нечто при-

надлежащее вообще живому существу. Но
во живомъ существѣ такъ же, какъ и
во всякомъ предметѣ окружающаго насъ
міра, можно различить матерію и фор-
му. Спрашивается, что такое душа: ма-
терія, изъ которой образовалось живое су-
щество, или его форма? Было бы нелѣпо
рассматривать душу, какъ матеріаль-
ную причину того, что вещество — ко-
что совершенно безкачественное. Призна-
вая душу за матерію, а не форму живого
существа, мы отрицаемъ бы всякія ея свой-
ства, отрицаемъ бы всякое ея значеніе,
одвѣдимъ бы ее что-нибудь то такое, что не
имеетъ ничего общаго съ сущностью
живого существа. Между тѣмъ, именно
въ жизни души вся суть жизни живого
существа. Душа — сущность живого
существа. Итакъ, душа не можетъ
быть матеріей, изъ которой живое су-
щество образовалось. Душа представ-
ляет сущность живого существа, а сущ-
ность каждой вещи (въ обширнѣйшемъ
смыслѣ этого послѣдняго слова) и есть
ея форма. Душу необходимо признаѣть

не матеріей, а формой, „интеллекіей“ живого существа.

Частичное можно опредѣлить
и какъ интеллекію физическую (мы ска-
жемъ въ: органическаго) тѣла, имѣющаго
жизнь въ возможности ($\eta \psi \chi \eta$
 $\epsilon \beta \epsilon \iota \tau \epsilon \nu \epsilon \lambda \epsilon \alpha \dots \dots \beta \omega \mu \alpha \tau \omicron \varsigma \phi \nu \beta \iota \sigma \tau \omicron \upsilon$
 $\delta \upsilon \nu \alpha \mu \epsilon \iota \varsigma \zeta \omega \eta \tau \epsilon \chi \omicron \nu \epsilon \omicron \varsigma$). Аристотель
прибавляетъ при этомъ „имѣющаго жизнь
въ возможности, ибо тѣло безъ своей фор-
мы или интеллекіи, безъ души остается
еще безкачественнымъ и не живетъ на са-
момъ дѣлѣ: оно только можетъ начать
жить, если къ нему присоединится душа;
ему принадлежитъ жизнь лишь въ воз-
можности. Душа — интеллекіа тѣла.
Это не только причина формальная, но и
причина движущая и конечная. Всякое из-
мѣненіе въ тѣлѣ, всякое „движеніе“ про-
исходитъ, благодаря вліянію души. Вся-
кая действительность тѣла, самый фактъ
существованія того или другого органа
долженъ быть объясненъ изъ истиннаго
понятія о душѣ. Наконецъ у Аристоте-
ля обличіе въездъ на душу. И вотъ, по-

спроводе свое опредѣленіе, великій Сотаг-
ритъ даише объявляетъ, что живишь су-
ществами, или организирами низшаго раб-
ряда, принадлежить имъ душа пита-
ющая (ἑὸ ἰσχυρὸν). Имиютъ се
растения. Все живыи ихъ исчерпывается
тѣмъ, что они питаются и растутъ.

Такими процессами и заправляется пи-
тающая душа, и этимъ ограничивается
ея дѣятельность. Такимъ образомъ, дѣ-
ятельность души у низшихъ организмовъ
оказывается, по Аристотелю, на самомъ
днѣ дѣятельности, которая не имѣ-
етъ ничего общаго съ душевною живнью,
въ нашемъ смыслѣ слова.

Что касаясь живыи существъ,
стоящихъ на нѣсколько болѣе высокой
ступени, то они обладаютъ, кромѣ ду-
ши питающей, душой ощущающей (ἑὸ
αἰσθηρὸν). Эта послѣдняя, какъ
показываетъ самое названіе ея, заво-
дуетъ ощущеніями. Дѣятельность ея,
въ свою очередь, безусловно приурочена къ
тѣлу живого существа. Душа ощуща-
ющая.

Проф. Лейкеренбергъ. Психологія. Лекція 20.

ющая заводитъ ощущенія и тѣла. Организовать живое существо, соответствующаго порядка приспособленъ къ тому, чтобы испытывать ощущенія: оно имѣетъ органы чувствъ. Этими органами и управляетъ ощущающая душа. При этомъ она не представляетъ особой способности — способности, которая стояла бы вне всякаго отношенія къ душе питательной. Это только какъ бы высшая сравнительно съ питательной душой ступень въ развитіи жизни души вообще. Вотъ почему душа питательная безъ души ощущающей возможна, а душа ощущающая безъ питательной — невозможна. Вотъ почему есть существа и организмы, которые принадлежатъ только душе питательной, но нѣтъ живыхъ существъ, которые имѣли бы душу ощущающую и въ то же время были лишены души питательной.

Но живыхъ существъ, обладающихъ лишь способностью питаться, расти и испытывать ощущенія очень немного. Обыкновенно сюда присоединяется

еще способность передвигаться съ места на место; кроме души питающей и ощущающей, живыми существами признаются дальнейшей частью души движущая (С'о' риг'г'с'х'о'в' к'а'й' т'о'п'о'в). Она заводит движение тела. Деятельность этой души или душевной способности опять — так же безусловно приурочена к телу, распространяется исключительно на тело. При том же души движущая опять не представляет способности, независимой от "души питающей" и "ощущающей". Это лишь дальнейшее развитие душевной жизни, которая на низшей ступени своей сказывается в процессах питания организма и телесных ощущений.

Наконец, высшую ступень в развитии душевной жизни представляет разум. Ум наш не имеет ничего общего с телом. Душа питающая проявляется только в процессах питания и роста организма. Душа ощущающая заводит ощущениями тело

и этихъ неслерпывается ея роль. На-
конецъ, назначеніе души двоящейся загра-
дить въ живомъ существѣ двоященіемъ
тѣла. Дѣятельность души разумной
стоитъ въ всякой связи съ живымъ тѣ-
ломъ, съ явленіемъ физиологическимъ.
Душа — форма тѣла. Какъ таковая,
она не совпадаетъ съ самимъ тѣломъ.
Но, какъ привлекающая именно зак-
нѣ души форма, ^{души} невозможна въ тѣлѣ,
и душевной жизни нѣтъ, гдѣ нѣтъ жизни
тѣла. Жизнь души въ тѣлѣ и заклю-
чается, что живетъ тѣло. Такова ду-
ша у растений и у животныхъ, тако-
ва она, когда говорятъ, что живое существо
или организмъ имѣетъ только душу ти-
таническую; такова она, когда въ душу
титаническую присоединяется душа ощу-
щающая и, наконецъ, двоящаяся. Между
тѣмъ, человекъ обладаетъ рядомъ того
душию разумною, которая уже живетъ
отдѣльно отъ тѣла живого. Разумъ
въ отише отъ прочихъ частей или спо-
собностей души представляетъ, гово-
ритъ Аристотель, какое-то привожден-

шее въ человека, чисто безсущественное начало. Въ отличие отъ прочихъ частей души разумъ, какъ нечто такое, что не имѣетъ отношеній къ телу, вполне отдѣлившись отъ него. Конечно съ этимъ разумная душа и не имѣетъ особыхъ органовъ въ телѣ, которые бы ей служили, какъ служатъ души ощущающей органы чувствъ. Итакъ, въ учебн. оруд. человеческого Аристотель собственно отступаетъ отъ своего общаго понятія о Душѣ. Душу разумную уже нельзя разсматривать какъ форму или энтелехию тела. Это совершенно отдѣльное, безусловно самостоятельное, безсущественное начало, приводимъ въ человека извне и которое принадлежитъ именно человеку въ отличіе отъ другихъ живыхъ существъ.

Остановившись теперь на основн. пунктахъ психологическаго ученія Аристотеля. Разумидеи ея о Душѣ питающей мы касаться не будемъ, ибо въ то идетъ учено при срѣж. о такихъ явленіяхъ, которыхъ мы вовсе

не причисляемо къ разряду душевности.
 Душою ощущающей принадле-
 житъ чувственное воспріятіе. Прини-
 мая платоновскую точку зрѣнія, Ари-
 стотель усматриваетъ въ немъ нѣко-
 елико, почти такое, въ чемъ есть и
 психическій, и физическій элементъ. При
 воспріятіи противное, говоритъ онъ,
 вліяетъ на противное, (не) производитъ
 уподобленіе, органъ чувствъ изливается
 и уподобляется предмету, или восприни-
 маемому. Такова физическая сторона
 чувственного воспріятія. Но кромѣ
 того участвуетъ въ ощущеніяхъ психиче-
 скій элементъ. Вообще или критическое
 чувство (*Kρίτικὴ αἰσθησις*) различаетъ
 въ нихъ общія и отличныя черты. Но
 Аристотелю такъ же, какъ и по Пла-
 тону, психическій элементъ воспріятія
 заключается въ томъ, что мы находимъ
 въ ощущеніяхъ средства и различія, срав-
 нивая новыя ощущенія съ прежними.
 Только Платонъ просто утверждаетъ,
 что „душа“ видитъ общее, и отличное въ
 ощущеніяхъ. Между тѣмъ Аристотель

предполагается для души, как способности сравнивать ощущения между собой, особое название — общего или критического чувства.

Новейшая психология обыкновенно ставит на ряду съ внешними чувствами ощущение тепла и muscularное, наконец, чувства внутренних и общих. Общее или критическое чувство Аристотель, какъ сказано, говоритъ, но разумеетъ подъ этимъ именемъ способность души сравнивать ощущения между собой, тогда какъ современная психология рассматриваетъ его, какъ сознание общихъ состояний нашего организма. О muscularномъ чувствѣ у Аристотеля почти речи вовсе. Происхождение понятий о величинахъ, о покоѣ, движеніи и проч. объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ 5-ти внешнихъ чувствъ. Для того того, чтобы чувственное воспріятіе имѣло мѣсто, необходимо, чтобы мы при помощи общего или критического чувства сравнили новое ощущение съ прежнимъ, чтобы были воспроизведены

простіе наши ощущенія. Души ощущающей кроме чувственнаго воспріятія принадлежитъ память и воспоминаніе.

Аристотель удороживаетъ платоновское общее понятіе о памяти. Вспомогъ за своимъ предшественникомъ онъ утверждаетъ, что предметъ ощущается въ челоука въ который слогъ, подобно тому какъ перстень кладется отпечатокъ на доску, натертой воскомъ.

Вотъ почему при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ мы орудно забываемъ предметы. Отпечатокъ падаетъ въ стиръ слугая на текущую воду. Въ ранней молодости и въ глубокой старости въ челоука происходитъ слишкомъ много двореній. Въ молодости челоука растетъ; въ старости только постепенно разрушается. Такимъ двореніемъ объясняется то обстоятельство, что у челоука въ эти періоды память обыкновенно бываетъ очень слаба. При чувственномъ воспріятіи происходитъ изливненіе (уподобленіе вѣнченію предмету) въ органъ. Оно сохра-

идется после того, какъ воздѣйствіе
внѣшняго предмета прекращается.
Вотъ каковыя пути спурелются
Аристотель объяснить фактъ намерѣ
съ точки зрѣнія физическоя или физиоло-
гическоя. Для объясненія факта воспо-
минаній Аристотель указываетъ на
случай психологическаго ассоціированія.
Съ особымъ вниманіемъ останавливаясь
онъ на той естественной последовательной
ассоціаціи, которую представляетъ фактъ
запоминанія буквъ алфавита. Теорію
ассоціированія и Аристотель, однако,
не построилъ.

Душа движущая загра-
вляетъ движеніемъ тѣла. Подобно сво-
имъ предшественникамъ Аристотель при-
знаетъ двухъ родовъ мотивы, которыми
эти движенія обусловливаются: стрем-
ленія раціона и аппетита (*ὄρεξις*),
имѣющіе источникомъ своимъ тѣло.
Разумъ обыкновенно борется съ тѣлес-
ными стремленіями. Итакъ, животному,
кроме души питающей, принадлежитъ
Прар. Лейбницъ. Психологія Лейбъ 26.

Душа ощущающая (чувственное воспри-
 ятие, память, воспоминание и вообра-
 жение) и душа движущая. Более со-
 вершенной душевной жизни соответ-
 ствует и более совершенное устрой-
 ство тела. Животное уже имеет
 центральный орган. Такой орган
 представляет у него сердце (мозг по
 Аристотелю, служит только для
 охлаждения крови). Человеку, кроме
 души питающей, ощущающей и движу-
 щей, принадлежит душа разумная
 (λογιστικὴ ψυχή, nous). Деятель-
 ность ее заключается в познании
 чувственных предметов (τα ἡσθητά).
 Как мы видели, Платон не верил
 показаниям внешнего чувства. Послед-
 ний не дает истинного знания, зна-
 ния nousовъ. Такое знание мы по-
 пернаемъ въ идеяхъ, которыя и суть
 истинныя nousы (ἰδέα καὶ εἰδωτόν
 у Платона). Аристотель также не
 веритъ показаниямъ чувства. Истин-
 ное nousовъ содержится въ понятияхъ,
 и вотъ, понятия, которыя заключаютъ

въ себѣ знаніе поученовъ и самыя по-
ученыя, Аристотель называетъ τὰ νοητὰ
въ отличіе отъ τὰ αἰσθητὰ (предметы
чувственные — представленія, образу-
ющіяся подъ вліяніемъ воздѣйствія
на наши чувства, а также и самыя
предметы, какими мы ихъ знаемъ,
благодаря чувствамъ). Итакъ отличи-
мость разумной души заключается
въ познаваніи поученовъ. Душа пита-
ющая заботится питаніемъ тѣла;
душа ощущающая — ощущеніемъ тѣла,
душа движущая — движеніемъ тѣла, душа
разумной принадлежитъ познанію поученовъ.
Въ отличіе отъ прочихъ душевныхъ способ-
ностей разумъ не имѣетъ никакого отно-
шенія къ тѣлу. Вокругъ ото-
чествлялъ душу съ разумомъ; Платонъ
думалъ, что душа въ ея чистомъ видѣ
есть разумъ. Живя въ тѣлѣ и вос-
принимая въ себя тѣлесные элемен-
ты, она принимаетъ формы τὸ
ζωοντικόν, τὸ θυμοειδές, τὸ ἐπιθυμη-
τικόν. Аристотель также предпола-
гаетъ, что только разумъ не имѣ-

есть никакого отношения къ тѣлу. Но
 душа у него не равна разуму, какъ у
 Платона. По Аристотелю, душа есть
 разумъ и есть душа питающая, ощу-
 щающая и движущая. Мы, впрочемъ, сей-
 часъ увидимъ, что Аристотель склоненъ
 возвращаться къ предикей сократовской
 и платоновской точкѣ зрѣнія и равнотѣ-
 живать душу просто какъ разумъ. Ра-
 зумная душа, говоритъ Аристотель
 вслѣдъ за Платономъ, познаетъ пред-
 меты чувственные (τὰ ποτῆα). Вслѣд-
 ствуетъ различать мышленіе действитель-
 ное и мышленіе возможное. Мысль
 въ возможности — это простая спо-
 собность къ мышленію, независимая отъ
 того, какъ она проявляется, отъ какихъ
 бы то ни было актовъ мысли. Аристо-
 тель называетъ ее ποτὶς ποτῆσις — умъ
 действительный, — умъ выставитъ на
 видъ, что она представляетъ действитель-
 ное начало, благодаря которому возмо-
 женъ фактъ мышленія. Мышленіе съ
 действительными его объектами, съ по-
 знавательными процессами, какіе у насъ

на самом деле мнѣнїе это, Аристотель называетъ, въ отнѣшенїи отъ гоῦς πορφαίρος — гоῦς παρφαίρος — умъ страдательный. Но всякій предметъ вѣченъ въ томъ смыслѣ, что, когда онъ действительнаго бытія не имѣетъ, онъ существуетъ въ возможности. Въ такомъ же смыслѣ долженъ быть вѣченъ и разумъ. Когда действительнае бытіе его прекращается, продолжается бытіе въ возможности. Ноῦς παρφαίρος со смертью тѣла перестаетъ существовать, но это невозможно по отношенію къ гоῦς πορφαίρος. Со смертью тѣла душа не укрѣпается и не исчезаетъ гоῦς παρφαίρος, вѣдательный же умъ не разрушается. Такимъ образомъ, Аристотель приводитъ къ увѣренію о вѣчности души. Заключимъ, что въ этомъ своемъ разсужденіи онъ отождествляетъ душу съ разумомъ.

Психология у англий- ских эмпириковъ.

Бэконъ Веруламскій не разрабатываетъ психологию, а общіе замѣчанія его объ этой наукѣ содержатъ много метафизическаго; но, пропагандируя со всею энергіею опытное знаніе и проповѣдая свое ученіе объ индукціи, онъ подготовилъ между прочимъ взглядъ на психологию, какъ на науку эмпирическую. Такую точку зрѣнія и усваиваетъ себѣ преемникъ Бэкона — Джонъ Локкъ. Психологъ, говоритъ онъ, долженъ анализировать душевныя явленія и извѣщать отношенія между ними, отбросивъ вопросы о сущности души, силѣхъ или способностяхъ ей принадлежащихъ. Локкъ устанавливаетъ съ большимъ вниманіемъ на познавательныхъ процессахъ. Общепринятымъ въ то время взглядомъ было, будто человекъ живетъ при рожденныхъ идеяхъ. Рафини́вшись, мы уже обладаемъ ими, и не нужно никакого психо-

жизненного опыта (въ обширномъ смысле слова), чтобы ихъ усвоить. Локкъ старается опровергнуть это мнѣніе. Считая природенными различными аксіомы, напримеръ, что двѣ вещи равны порознь третьей, равны между собою. Но, вотъ въ раннемъ возрастѣ и идиоты такія общія положенія не знаютъ, доказываетъ Локкъ. Далее, признавая природенными основныя нравственныя принципы. Но у разныхъ народовъ неодинаковы понятія о морали, что было бы невозможно, если бы эти идеи были действительно природены человеку. Итакъ, заключаетъ нашъ философъ, идеи природенныя нѣтъ, и лишь человеческій въ моментъ рожденія представляетъ *Tabula rasa* (чистую доску). Все наши идеи ^{природенныя} имѣютъ опытное. Принимая такой взглядъ, необходимо лишь расширить самое понятие объ опыте. Включаетъ разумъ надъ этими терминми не только чувственное воспріятіе, но и рефлекцію, т.е. внутренний опытъ (сознаніе нашихъ внутреннихъ состояній, а также даваемую

переработку того материала, который доставляет нам чувственное восприятие. Макишъ образован, Локк отрицаетъ великій апріорный элементъ въ нашемъ знаніи и импонируетъ то обстоятельство, что сознаніе въѣвшихъ впечатлѣній и внутреннихъ состояній, наконецъ, и великія сложныя операціи имеемъ въ значительной степени обусловливаются природою человеческого духа. Желая послѣдовательно провести свою точку зрѣнія, Локкъ старается проследить, какъ изъ того, что даетъ намъ опытъ, постепенно образуются идеи болѣе или менѣе сложныя и отвлеченныя. При этомъ онъ заговариваетъ и объ ассоціаціяхъ идей (самый терминъ „ассоціація“ вводитъ Локкъ) и, въ отличие отъ Платона и Аристотеля, не только указываетъ на соотвѣствующіе факты, но и пытается создать теорію. Впрочемъ, Локкъ разсуждаетъ только о связяхъ сложности, и самыя ассоціаціи представляются ему какими-то случайными фактами въ душевной жизни человека.

Беркли остается верным Локку и также думает, будто все наше знание сводится объяснять из опыта. Какъ бы въ опроверженіе противоположнаго взгляда, онъ хочетъ, между прочимъ представить анализъ понятія о пространствѣ, ибо на идею эту смотрѣли въ вѣрѣ, если не какъ на природенную, то, по крайней мѣрѣ, какъ на апіорную. Мы видимъ, что Беркли пытается объяснить это понятіе изъ осязательныхъ ощущеній (Локкъ изъ зрительныхъ и осязательныхъ). Юмъ обращаетъ много вниманія на вопросъ объ ассоціированіи. Въ отличіе отъ Локка онъ трактуетъ не объ одной связи смежности; онъ указываетъ на три принципа, по силѣ которыхъ психологическія связи образуются: смежности, сходства и причинности.

Кромя того, Локкъ, Беркли и Юмъ анализируютъ идеи о причинности способствовали выведенію и разработкѣ новаго индуктивнаго метода, проповѣдника котораго явился Бэконъ. Между
 Прор. Лейбфельдъ. Психологія. Липс. 22.

тот же уреніе одъ индукціи всегда оказывало
большое вліяніе на развитіе психологій.

Первый изъ представителей
такъ называемой голландской философ-
ской школы Ридъ прямо проповѣдуетъ,
что все науки, а въ томъ числѣ и пси-
хологію, слѣдуетъ разрабатывать, при-
лагая индуктивный методъ. А потому
эмпирическая психологія должна обра-
щиваться исключительно на разсмотрѣ-
ніи душевныхъ явленій. Впрочемъ, самъ
Ридъ дѣлаетъ отступленіе отъ этого не-
избѣжнаго съ его точки зрѣнія правила и
наблюдаетъ способности и силы ду-
ши. Есть разница, объявляетъ онъ, между
способностью и силой. Способность — нѣтъ
принадлежащее человеку отъ природы, си-
ла — нѣчто приобретенное. Ридъ оста-
навливаетъ съ большимъ вниманіемъ на
анализъ чувственного воспріятія. При вни-
заніи воздѣйствія мы составляемъ себѣ
нѣкоторое понятіе одъ объектомъ восприни-
маемымъ и удѣляемъ въ его существо-
ваніи. Эту увѣренность въ наличности
воспринимаемаго предмета необходимо

признать непосредственной. Она опирается на *Sensus communis* — особое чувство, общее всему человечеству. Второй предметом шотландской школы Дугальд Стюарт так же твердо держится той линии, что в психологии следует пользоваться индуктивным методом. В его время естественные науки стали уже разрабатываться, и вивестъ съ Грима возникъ антагонизмъ между естествознаниемъ и психологіей; представителю перваго возстають противъ возможности науки о душевныхъ явленіяхъ. 1) Экспериментъ, говоритъ онъ, въ психологии невозможенъ. 2) Основное бэконовское правило эмпири: „знаю, значитъ могу“. Между Грима, знаніемъ въ области психологии не увеличиваетъ могущества человека. Въ споръ этомъ принимается участие и Дугальд Стюартъ. Приведенныя требованія онъ считаетъ оправданными, но полагаетъ, что въ науку о душѣ они выполнены или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть выполнены. Экспериментъ здѣсь такъ же возможенъ, какъ и въ другихъ областяхъ знанія. Воспитаніе пред-

ставляется лучшей тому примеръ. Что же касаясь могущества человека, то и астронимия его не увеличиваетъ непосредственно; она лишь способствуетъ искорененію предразсудковъ и установленію правильныхъ общихъ понятій въ различныхъ областяхъ. А такое значеніе необходимо признать и за психологіей. Въ томъ же, вліяніе государственнаго деятеля на общество, учителя на учениковъ, проповѣдника на прихожанъ возможно лишь при психологическихъ знаніяхъ. Даже, Дюгамель Стюартъ, подобно Диду, утверждаетъ, что когда дѣло идетъ о чувственныхъ воспріятіяхъ, на душу нельзя смотрѣть, какъ на *tabula rasa*. Предметъ не можетъ напечатлѣть свой образъ въ душу человека. Своими воздѣйствіями онъ лишь даетъ поводъ къ образованію представлений, и эту послѣднюю работу уже выполняетъ самая душа. Много вниманія обращаетъ нашъ филологъ и на психологическое ассоціированіе. Живъ, какъ мы видимъ, придаетъ этому закону большое значеніе. Но психологамъ того времени ассоціациі все же представлялись только — то

извне привносящих въ душевную жизнь человека. И вотъ, Дюамель Стюартъ старается доказать, что вниманіе и логическое мышленіе подвергаютъ слѣпыя связи идей. Однако, ассоціаціи все же оказываютъ свое вліяніе на умъ и волю нашу. Воспоминаніе наше философы прямо объявляютъ изъ ассоціированій и очень много останавливается на вопросѣ, въ чемъ могутъ заключаться достоинства памяти: хорошая память легко усваиваетъ идеи, долго ихъ удерживаетъ и быстро воспроизводитъ.

Естественныя науки стремятся изжить причинную зависимость между явленіями. Шотландскій мыслитель Броунъ объявляетъ, что и эмпирическая психологія должна преслѣдовать эту задачу; она разрабатывается помощью индуктивнаго метода и должна по своему бытъ сходна съ другими опытнымъ наукамъ и по своему содержанію. Отсюда, однако, возникаютъ для Бруна большія затрудненія. На самомъ дѣлѣ, "эмпирическая" психологія и въ настоящее время не установила законовъ причинной зависимости,

за исключеніемъ одного, именно, ассоціиро-
ванія по смежности. Она ограничивается
анализомъ душевныхъ процессовъ. Броунъ
хочетъ придать анализу психологии особое
значеніе. Во всякій данный моментъ, гово-
ритъ онъ, душевное состояніе наши на са-
момъ дѣлѣ простое. Но каждое состояніе свя-
зано съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ.
Отсюда и объясняется сложность психиче-
скихъ процессовъ. Анализъ разлагаетъ слож-
ныя состоянія на ихъ элементы. Спериди-
наго сложными явленіями, психическо, на са-
момъ дѣлѣ, расчленяетъ и выясняетъ при-
чинныя связи. Едва ли представляется на-
добность говорить о томъ, что желаніе
возможно болѣе сблизитъ психологию съ
естествовѣдѣніемъ заветъ Броуна въ этомъ
случаѣ слишкомъ далеко. Отдельные
психологическія замѣчанія Броуна заклю-
чаютъ въ себѣ много цѣннаго. Какъ мы ви-
димъ, Эрму исключительно принадлежитъ
анализъ понятій о пространствѣ. Также,
Броунъ останавливается съ болѣе вниманіемъ
на вопросъ объ ассоціаціяхъ. Надъ
причиной и дѣйствіемъ представляетъ замѣ-

философской философии разумны два явления
 (или две группы явлений), из которых од-
 но необходимо следует за другим. Ввиду
 этого, раздвигая гомогенное учение о принци-
 пах ассоциирования, Броунъ сводитъ при-
 чинность на сущность. Такимъ образом,
 учено выводитъ, что есть только два прин-
 ципа, изъ которыхъ объясняясь связи меж-
 ду идеями: сущность и средство. Следующимъ
 виднымъ представителемъ науки психологической
 является Эрнестъ Милль. Какъ же,
 какъ его предшественники, онъ интересуется
 вопросом, почему объясненъ то обстоятель-
 ство, что при чувственномъ восприятии
 мы убеждены въ существовании внешнего
 предмета. Ридъ и другие шотландские
 философы утверждаютъ, будто уверен-
 ность эта опирается на *sensus communis* —
 здравый смыслъ. Съ другой сторо-
 ны, Льюисъ, стоя на скептической почве
 зрѣнія и признавая вѣру въ наличность
 воспринимаемыхъ предметовъ мнимой
 достаточности оснований, старается, по
 крайней мѣрѣ, психологически объяснить ее.
 Одни ощущения, говоритъ онъ, болѣе интен-

сивые, чистые другія. Тут, которая оти-
сательна зриваетъ, мы относимъ къ внош-
нимъ объектамъ. Джемс Милль не
согласаеся съ приведеннымъ взглядомъ.
Если бы мысли Юма были оправданы, мы
не объективировали бы ничего изъ того, что
сознаемъ во снѣ. Мы непосредственно усматри-
ваемъ, полагаетъ Джемс Милль, различіе
между идеями, которые составляютъ сами
мы воспроизводимъ помощью памяти, и
воспріятіемъ вношнихъ предметовъ. Ас-
соцірованію нашъ философъ придаетъ ши-
рокое значеніе. Онъ изъ него объясняетъ раз-
наго рода душевные процессы. Между про-
чимъ, Джемс Милль указываетъ на воз-
можность неразрывнаго ассоціан, а рав-
нымъ образомъ различаетъ связи: 1) од-
новременности и 2) послѣдовательности.

Программа по психологии

1-й сем. Общее понятие о психологии. Наше знакомство с психическими явлениями? Индукция в психологии. Познавательные процессы; закон относительности; пределы сознания; тафетоскопические опыты.

2-й сем. Внимание. Целостное восприятие; общий характер его. Абсолютные пороги раздражений. Разностный порог; закон Вебера. Методы экспериментального исследования.

3-й сем. Осязание; общий характер его; тактильные точки; круги осязаний. Тепловой осязаний; физиологическая нулевая точка; качественные пороги тепловых осязаний. Обоняние; общий характер его; абсолютный нижний порог; приспособляемость; разное и слабые запахи; уничтожение одного запаха другим; смешение обонятельных ощущений с другими. Вкус; смешение вкусовых ощущений с другими; основные вкусы.

4-й сем. Слух; музыкальные интервалы; вытукные и малозаметные звуки; вос-

рідомі комплексів звуків; порох; співзвуччя
м'яких почуттів з вигодами. Зрив; ;
встановлення; загальний характер зри-
вності; почуттів; вимога, необхідна для
зривності почуттів і для його прекра-
чення; Зривний контраст.

5 вид. Зрив (продовження); обра-
зові зображення предмета; виокремлені зри-
в; порох. Внутрішні почуття. Мускульне
почуття.

6 вид. Восприятіє пространства;
нашар Локка і Берні; зображення Бруна;
мускульне почуття — нервові пространствен-
ні представлення; знання осадан і зри-
в; заштовплені Бена; непомітні дан-
ні в зривному процесі для зривності о-
сідан і фігур предмета; аккомодация; ви-
окремлені зрив; данні, що містяться в ос-
аданні почуттів.

7 вид. Зрив Представлення; зри-
в. Асоціювання; загальний його характер;
м'якш, вводячі в склад асоцію; асо-
ціювання послідовні і одночасні;
осідан асоціювання.

8 вид. Пам'ять і встановлення;
загальний його характер; види пам'яті. Завме-

ніе; диссоціювання і моменти, ему благоприятствуючі. Моменти, благоприятствуючі запоминанню — асоціювання. Дієприслівники ісполгованія, в області пам'яті і воспоминаній. Воображеніе; отміненіе его отъ пам'яті; его предметъ; его значеніе. Понятія, сужденія, умозаключенія.

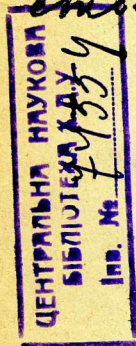
9вн. Чувствованія; сопровождающіе ихъ познавательные процессы; законъ симпативности; асоціювання; удовольствіе и страданія; тѣлодвиженія, въ которыхъ находятъ себѣ выраженіе наши чувствованія.

10вн. Волевые акты; автоматическіе движенія; рефлексы; инстинкты; волевой процессъ въ психическомъ смыслѣ. Свѣда воли. Асахометрія.

11вн. Платонъ и его предшественники.

12вн. Аристотель.

13вн. Асафосовъ у акадѣмическ. интитурирова.

Пособія и руководства.

Бенъ. Психологія.

Джамсъ. Психологія.

Спечиревъ. Психологія. Харьковъ 1893г. и
М. 1902г.

Бине. „Введение въ экспериментальную
психологію.“

Вундтъ. Душа человека и животныхъ.

Сю-гре. Основанія физиологической пси-
хологіи.

Геддъ Дингъ. Справки психологіи, основанной
на опытахъ.

